

Л. А. Калинин

ВОПРОСЫ
 ПОЭТА А. С. КУШНЕРА
 К ФИЛОСОФУ И. КАНТУ
 О ПРОБЛЕМАХ
 ПОТУСТОРОННИХ

Показано, как при размышлениях над одной из постоянных проблем своего творчества о том, самостоятельно ли человечество существует в космосе или это трансцендентный проект, Санкт-Петербургский поэт А. С. Кушнер неизменно советуется с И. Кантом.

This article proves that when addressing the problem persistent in his oeuvre – whether the humanity exists independently in space or it is a transcendental project – the Saint Petersburg poet A. S. Kushner always consults with I. Kant.

Ключевые слова: существование Бога, совершенство, автономия, гетерономия, красота, постулаты практического разума, свобода, детерминизм.

Key words: existence of God, perfection, autonomy, heteronomy, beauty of nature, postulates of the practical reason, freedom, determinism.

Бог-то Бог, да и сам не будь плох.
 Русская пословица

Кант и кантизмы (кантизмами я называю термины и стоящие за ними понятия, введенные в философию Кантом и оказывающиеся на слуху у каждого, кто пробует с этой философией познакомиться) в творчестве современных поэтов гостят редко, в отличие от великих наших поэтов, как классиков, так и символистов. Именно усилиями последних с конца XIX — начала XX века в русской поэзии установился своеобразный десятилетний ритм, когда в заканчивающиеся на цифру 4 годы наблюдался всплеск общественного интереса к гениальному кёнигсбергскому сидельцу и к нему обращались раздумья поэтов. Так было в годы 1904, 1914, 1924-й, затем традиция, естественно, прервалась, как прервались почти все другие российские традиции, — стало не до Канта — и начала возобновляться, хотя с трудом и робко, в конце XX века, возобновляться усилиями едва ли не случайными и одного-двух поэтов: она вновь обнаружила себя в 1984, 1994, 2004-м годах. Очередную неспешную волну кантианского прибое надо ждать теперь к 2014 году, и, может быть, в году 2024-м, году трехсотлетия Канта, традиция вновь окажется вполне ощутимой?

Одним из современных воссоздателей ее является Александр Семенович Кушнер, Санкт-Петербургский поэт, эссеист, филолог: в 1984 году в седьмой книге его стихов «Таврический сад» появляется первое стихотворение о Канте, а в 1993-м, упреждая правильный 1994-й, увидело свет второе стихотворение с именем Канта. Ритм в основном, как видим, выдерживается.

Последнее стихотворение включено в книгу эссе и стихов под интеллигентным названием «Аполлон в траве», навеянным автору Иннокентием Анненским, его любимым поэтом. Аполлон в качестве мифологемы, как мифологеме и положено, обладает бесконечным смыслом. «Аполлон» Кушнера — это великая русская духовная культура, как что-то совершенно ненужное оказавшаяся

современной России выброшенной (в снег, в сорную траву) и предоставленной тлению, пока заботами дворников вообще не окажется на свалке. Благодаря этому броскому названию я и установил, что А. С. Кушнер в своем поэтическом творчестве обращается к Канту. «Таврический сад» прошел в свое время мимо моего внимания, хотя он достойно встал в ряд поэтических садов — от «Гулистана» и «Бустана»... до Летнего, Нескучного, Никитского... На мою удачу заглянул этот философ-домосед в «Таврический сад» — посещал же он однажды Петербург в видениях Александра Блока.

В обоих стихотворениях Кант выступает в роли арбитра в вопросе о природе Бога и его существовании/несуществовании, и тот факт, что А. С. Кушнер обратился к самому авторитетному в этой области философу, критически исследовавшему предельные глубины метафизики, свидетельствует о широте мировоззренческих поисков поэта. Выбор его, по-моему, безупречен хотя бы на том основании, что Кант — единственный философ, осмелившийся учить Бога логике, нашедший и показавший его, Бога, довольно элементарные логические ошибки в Библии. Книга книг ведь напи-

сана, как считается, с голоса Творца. Никто лучше Канта в вопросе о его сущности и способе существования не разбирается. Об этом можно судить исходя уже из того, что некоторые из авторитетнейших православных богословов считали Канта чертом во плоти («Столпом Злобы Богопротивным», т.е. дьяволом назвал Канта П. А. Флоренский, к примеру), а кому как не черту знать толк в своем антагонисте? Однако были не менее экзальтированные мыслители, которые, подобно К. Л. Рейнгольду, видели в Канте воплощение Христа. Не это ли мнение разделил с ним Вл. С. Соловьев, когда работая над очерком «Кант» для энциклопедии Брокгауза, создал напумевшее в философских кругах стихотворение «Имману-эль», что значит — «с нами Бог»?¹ Двухсотлетнее пребывание кёнигсбергского философа в могиле нисколько А. С. Кушнера не смущает, так как есть в мире явления и процессы, для которых и тысячелетие — не срок. Задумываясь, например, о современном значении гомеровских «Илиады» и «Одиссеи», он отметил, что «как далеко ни продвинулось человечество за три тысячелетия (что назовем при этом: философию Канта? стихи Пушкина? теорию относительности Эйнштейна?..), человеческая жизнь и будущее пребывает более или менее в том же отношении к Судьбе... К Судьбе, Высшей силе, Природе, “звездному небу над головой”» [10, с. 465].

1. Эфемерное и вечное

Меня выбор поэтом этих трех имен — Канта, Пушкина, Эйнштейна — восхищает. В связи с этим я хотел бы отметить противоречие, составляющее нерв его творчества. А. С. Кушнер многократно объявляет, что он сторонник поэзии эфемерного и мгновенного, того, что совершается как чудо, один единственный раз, только здесь и только теперь — *hic et nunc*. Даже гедонистическое правило древних *carpe diem!*, пожалуй, его не устроило бы и было бы преобразовано в *carpe momentum*: лови даже не день, а мгновение, умеи наслаждаться моментом. Можно сказать, что в поэзии его занимает в таком случае позитивистская установка на *sense data*; чувственные данные рассматриваются как сама суть бытия. А все покоящееся, устойчивое, то, что характеризуется обычно как константа, как закон, тем более как вечность, в лучшем случае может занимать эпическое сознание, отливающееся в прозу, но уже никак не в поэзию. Помимо мимолетных впечатлений позволено поэзии, пожалуй, заниматься и мыслью, если только это всегда мысль неуловимо афористичная, неизъяснимая. Однако не выдерживает поэт этой установки, сам же готов бороться со строгой своей интенцией, понимая, что любое мгновенное впечатление является таковым, только будучи соотнесенным с другим в мгновение ока мелькнувшим впечатлением, а то — и с третьим... И выстраивается *система координат*. Порхание, к примеру, бабочки-эфемериды фиксируется глазом только на фоне цветущего луга или речной глади, в которой она как бы стремится схватить собственную тень, а без них — без выделенного сознанием луга и воды — и нет никакого порхания, а есть только вид бабочки со сложенными крыльями или вид той же бабочки с разложенными крыльями (точь-в-точь как на булавках в энтомологической коллекции чешуекрылых, освобождающих экспонат от всякой мимолетности). Координаты руководят впечатлениями. Мысль А. С. Кушнера часто вращается вокруг этого противоречия и ищет выражения и в стихах, и в прозе: «Мировоззрение поэта, — оправдывается он, — это все-таки нечто текучее, проточное, не застывающее в систему: поэт опровергает себя в соседнем стихотворении. Поэзия — это сердце мира, а как известно, “ум с сердцем не в ладу”» [10, с. 13]. Однако все только что поэтом сказанное означает, что... и в ладу тоже! И поправляя сам себя, А. С. Кушнер признается: «Чем я старше, тем дороже мне мысль в стихах, не та, что изредка навевается в гости, а живущая в них как дома» [10, с. 78].

2. Бессмыслие и смысл мироздания

Одна из таких мыслей, прочно угнездившаяся в его стихах, настойчиво-неотвязно — по-другому не скажешь — уносит поэта к вершинам мировоззренческих абстракций и требует от него уяснения *смысла бытия*, особенно в соотнесении с бытием индивидуальным, личным: если нет смысла в бытии как таковом, может быть, осмысленно индивидуальное существование? Совет мудреца из Кёнигсберга в таких вопросах никогда не помешает, поскольку сам-то он замыслил для себя цель-смысл и реализовал эту самоцель ценою всей своей жизни. В книге А. С. Кушнера «Таврический сад» среди прочих есть поэтический цикл под названием «Общий замысел», состоящий из восьми стихотворений. Ход поэтической мысли движется в нем по естественному руслу: бытие мира имеет смысл лишь в том случае, если существовал замысел, а он предполагает бытие замыслившего мир... Бога. Все примерно так, как имело место в жизни Канта, воздвигшего свой *кантианский* мир. Но поскольку Бога нет, нет в бытии... и т.д. Да ни Бог, ни смысл по большому счету и не нужны вовсе, если не походить на слугу

¹ Видимо, это уподобление Иммануила Канта Христу показалось Вл. С. Соловьеву художественно интересным, поскольку он считал, что это именно Кант «дал безукоризненные и окончательные формулы нравственного принципа и создал чистую, или формальную, этику как науку столь же достоверную, как чистая математика» [15, с. 478], т.е. довершил дело, лишь начатое Нагорной проповедью. Конечно, в духе идеи Богочеловечества Кант для Соловьева — необходимейшее звено среди других звеньев на этом пути к идеалу, на котором не обойтись без сознательной деятельности людей как личностей, к воспитанию каковых кантовские идеи имеют непосредственное отношение.

Канта, старого отставного солдата Лампе. Стихотворение о позиции Канта в обсуждаемом вопросе помещено в конце этого цикла.

Этим своим творением А.С. Кушнер по своему правилу: «поэт опровергает себя в соседнем стихотворении» – противоречит себе с помощью Канта (вернее, не самого Канта, а при посредстве одной из известных и давних его интерпретаций): цикл, начавшийся во здравие, завершается возгласом за упокой; или, напротив, если отсутствие какого-либо замысла в мире как таковом, то есть и отсутствие в нем Господа, рассматривать как провозглашение позиции *за упокой* (в том смысле, что Бог никогда не рождался, а не «умер!», как утверждал Ф. Ницше), то – начавшийся за упокой цикл завершается возгласом во здравие. Поэт фактически занимает в этом важном мировоззренческом вопросе благодаря противоречию позицию скептика; но в этом цикле о вероятности скептицизма авторской позиции как невозможности быть уверенным ни в том, есть ли Бог, ни в его отсутствии, еще надо догадываться. Позднее, в ходе развития творчества А.С. Кушнера, скептицизм и, как следствие его, безразличие в вопросе о богосущии будут выражены более определенно.

И все же доверять скептицизму поэта не следует. Это лишь средство заставить читателя серьезно задуматься над кардинальным отношением к жизни, сам же А.С. Кушнер склонен рассчитывать лишь на самого себя, просить милости – даже милости Бога – не в его натуре. И читателя он склоняет к тому же, но хочет чтобы, по обстоятельном размышлении, тот делал вывод, принимал решение – сам!

Кстати, и Кант, если интерпретировать его с учетом более широко взятых и основательно проанализированных текстов, окажется на стороне умонастроений А.С. Кушнера. И если именно такую интерпретацию иметь в виду, то венчающее цикл «Общий замысел» стихотворение надо было бы рассматривать в качестве логически последовательно завершающего цикл, а не противоречащего общей его позиции. Правда, в этом случае не было бы и обращения к скептицизму, не состоялся бы избранный, удачно найденный, художественный прием, активизирующий сознание читателя.

Но пора от рассуждений по поводу цикла «Общий замысел» перейти к его анализу. Если бы не было финального стихотворения о Канте, можно было бы считать, что уже в открывающем цикл стихотворении «Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом...» практически все точки над *i* в обсуждаемом вопросе поставлены:

Боже мой, разве общий какой-нибудь замысел здесь
Представим... [12, с. 73]

Обращение *Боже мой* семантически здесь равно междометию *ну*: ну разве общий какой-нибудь замысел здесь представим? То есть смысл вполне секулярный. Наличие же стихотворения о Канте, возвращающем Мартину Лампе необходимого ему Бога, делает обращение к Творцу все же двусмысленным. Однако двоение смысла можно просто не принимать во внимание: стихотворение о Боге у Канта и в понимании Канта – с него и спрос за могущую возникнуть коллизию. Может быть, это тот самый герменевтический случай, когда читатель усматривает в тексте больше, чем намерен был вложить в него его автор.

Рассуждение в стихотворении «Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом...» строится по принципу, обратному так называемому физико-космологическому доказательству бытия Божия. Доказательство это построено на убеждении, что божественная красота мира предполагает непрерывное бытие и самого Бога, результатом творческого замысла которого только и возможен столь прекрасно и премудро устроенный мир. А.С. Кушнер из той же посылки делает совершенно противоположный вывод:

Эта тень так прекрасна сама по себе, что Господь
Устранился бы, верно, свою ощущая ненужность.

И еще:

Потому и трудны наши дни, и в саду голоса
Так слышны, и светло, и никем не задумано это² [12, с. 73–74].

Мир так прекрасен и так необычайно совершенен сам по себе, что сколько бы ни был могуществен все провидящий Разум, и он бессилен предусмотреть ничем не объяснимую прелесть бытия. А раз так, можно ли говорить о каком-то общем замысле? Нужен ли тут еще и Бог и что бы он делал?

С логической точки зрения как физико-космологическое доказательство бытия Бога, так и кушнеровское доказательство его небытия оба в равной мере неверны, оба построены на ошибке *fictae necessitates*, то есть ошибке произвольного, фиктивного вывода; правда, Кушнер делает ошибку сознательно, он с логикой и логикой играет. Поэтому нельзя не оценить остроумие использованного приема, дополняющего и как бы из глубины освещающего поэтический образ манящих отрадной

² Курсив наш. – Л.К.

прохладой неизъяснимо прелестных летних теней. Вывод стихотворения не логический, а поэтический, а поэтический вывод всегда убедителен и по-своему правилен с художественной точки зрения.

Аргументация этой мысли, что никакого общего замысла нет и не может быть, от стихотворения к стихотворению ширится; поэт придает ей дополнительные оттенки. Новый поворот она приобретает в стихотворении «Букет шиповника садового...»:

Вся жизнь с ее размытой формой
И содержанием летучим
Зависит от того, что нормою
Считать. Насколько было б лучше
Не рыскать по шкале! [12, с. 74–75]

Ведь коли был бы общий замысел, то существовала бы абсолютная для всех и каждого цель, внесенная в мир, и норма, соответствующая этой божественной цели и служащая средством ее воплощения. Должна бы быть в таком случае и шкала ценностей, напоминающая Кронштадтский футшток с его отметкой абсолютного ординара — нулем, по которой рыскать не надо. Беда в том, считает Кушнер, что нет замысла, а потому и такой шкалы: нормы и ценности релятивны.

И логики в мире не надо искать [12, с. 77] —

мир полон торжествующих победу алогичных *уловок*.

3. Бог в свете двойного разума: теоретического и практического

Стихотворение о Канте и его размышлениях относительно природы Бога и его судьбы завершает, как уже сказано, цикл «Общий замысел». Кант призывается своим авторитетом утверждаемую автором точку зрения упрочить или поколебать? Утро-то вечера мудренее? Это стихотворение написано в дактилическом ритме, располагающем к неторопливому описанию обстоятельств жизни философа и его размышлений. Вот это интересующее нас поэтическое творение:

Камни кидают мальчишки философу в сад.
Он обращался в полицию — там лишь разводят руками.
Холодно. С Балтики рваные тучи летят
И притворяются над головой облаками.
Дом восьмикомнатный, в два этажа; на весь дом
Кашляет Лампе, слуга, серебро протирая
Тряпкой, а все потому, что не носом он дышит, а ртом
В этой пыли; ничему не научишь лентяя.
Флоксы белеют; не спустишься в собственный сад,
Чтобы вдохнуть их мучительно-сладостный запах
Бог — это то, что не в силах пресечь камнепад,
В каплях блестит, в шелестенье живет и накрапах.
То есть его, говоря осмотрительно, нет
В онтологическом, самом существенном, смысле.
Бог — совершенство, но где совершенство? Предмет
Спора подмочен, и кашли на листьях повисли.
Старому Лампе об этом не скажешь, бедняк
В Боге нуждается, чистя то плащ, то накидку.
Бог — это то, что, наверное, выйдя во мрак
Наших дверей, возвращается утром в калитку [12, с. 79–80].

Первые же два стиха вводят нас в треволнения Кантовой жизни, знакомые каждому по собственному опыту. Поскольку относительно мироустройства нет никакого общего замысла, то нет в нем и порядка. И никогда не было. Даже в Пруссии, где порядок был в большей цене, чем где бы то ни было, по этой части, оказывается, далеко не все благополучно. Существой в мире Бог, ему и пальцем не нужно было бы пошевелить, чтобы усюветить сорванцов: как-никак — всемогущий и всеблагий. Но его, к несчастью, нет, вместе со всемогуществом и благостью. От Бога толку еще меньше, чем от полиции. Правда, не было ли и нет ли по сей день граждан, вокруг которых порядок блюдетс строже, чем мы охраняем зеницу своего ока? Профессор Кант не был ни богачом, ни начальником — его просто глубоко уважали все граждане Кёнигсберга. Они и чттили его покой и заведенный им порядок.

Но и помимо этого, если представить себе сад Канта возле его дома на Принцессинштрассе по сохранившемся гравюрам и описаниям современников, мальчишкам-хулиганам просто не было к этому саду доступа. С улицы он был закрыт фасадом дома, к тому же даже сейчас, когда нравы далеко не пиетистские, мальчишки все же опасаются кидать камни с тротуаров во дворы. А с противоположной стороны сад Канта граничил вплотную с садом его соседа, того самого бюргера, который из уважения к профессору обрезал верхушки у своих тополей, чтобы они не закрывали от взгляда Канта шпиль

Альтштадтской кирхи, помогающей философу в его творчестве. Да и полиция Кёнигсберга вряд ли могла оставаться безучастной к бедам несчастного старца, за столом которого за честь считали сживать бургомистр города, государственные советники-министры Пруссии, суперинтендант восточнопрусской церкви и прочие не последние в Кёнигсберге и Берлине персоны.

Посвятив изучению жизни и творчества Канта не один десяток лет, я просто излагаю свои резоны, а вовсе не намерен критиковать А.С. Кушнера, не намерен тем более, что критиков он не жалует и представляет в весьма неприглядном виде:

Топорный критик с космами патлатыми,
Сосущий кровь поэзии упырь
С безумными, как у гиены, взглядами... [10, с. 625].

Напротив, я могу только благодарить поэта за помощь, поскольку воспользовался его стихами как путеводной нитью в рассмотрении такого тонкого и важного вопроса, как взгляды Иммануила Канта на природу Бога. Стихи его для меня пусть сыграют роль плавсредства, чтобы не утонуть самому и не увлечь за собою читателя в бездонные пучины абстракций...

Стихотворение о телеологических размышлениях Канта пронизано тонким и добрым юмором; оно дает понять, что не будь в судьбе кёнигсбергского профессора его слуги Мартина Лампе, взгляды философа на Бога могли бы быть и иными. Вторую строфой, завершающей введение нас в бытовые обстоятельства творчества Канта, Кушнер сразу убивает двух зайцев. Во-первых, создает представление о своеобразном ворчливо-покровительственном отношении профессора к его слуге, отставному солдату. Оба старца любили друг друга и по-своему опекали один другого. Правда, Кант в самом конце жизни вынужден был отказаться от услуг Мартина, пристрастившегося к вину, однако супруга Лампе – а от намерения жениться Кант долго слугу отговаривал – продолжала оказывать ему помощь вместо мужа, и философ в посмертном своем завещании оставил ей вполне достаточный пожизненный пенсион. Во-вторых, Кушнер воссоздает совершенно домашнюю обстановку, сообщая при посредстве кантовской воркотни на Лампе об одном из важных с точки зрения философа диететических правил, которому сам Кант следовал неукоснительно. «Очень важно, – пишет он, – в диететическом отношении настолько *привыкнуть* дышать носом с закрытым ртом, чтобы эта привычка сохранялась даже в глубоком сне...» [9, с. 256]. Правило не должно нарушать ни в ходе занятий, ни на прогулке: «При быстрой ходьбе, при подъемах намерение следовать принятому правилу и скорее замедлить шаг, чем изменить решение, должно быть еще более непоколебимым (чем во сне. – Л.К.); так же следует действовать при серьезном моционе, совершаемом воспитателем со своими воспитанниками, – предпочтительнее, чтобы они молчали во время прогулки, чем сопровождали ее прерывистым дыханием ртом» [9, с. 256]. Сообщая о воспитанниках, Кант имеет в виду свой собственный опыт домашнего учителя, так как ему приходилось заботиться, видимо, и о здоровье своих учеников. Это значит, что максимум эту философ выработал еще в своей молодости, поскольку не отличался завидным здоровьем и борьба с кашлем была ему хорошо знакома: «...она [максима] является простым домашним средством, предотвращающим приход врача» [9, с. 256], – резюмирует Кант.

У Мартина были свои представления об образе жизни хозяина и его занятиях, его вечном сидении за своим рабочим столом вместо того, чтобы проводить время *весело*. К советам его Лампе относился *cum grano salis*, считая, что он лучше знает, что полезно не только ему самому, но и его хозяину. Это Мартин сожалел и очень сокрушался о душе Канта, такого хорошего человека, почитая его безбожником: ведь вполне мог бы наслаждаться блаженством вечным, так нет, не читает молитв ни утром, ни вечером, никогда не перекрестится, садясь за обеденный стол, никогда не помянет милость Божью, хотя не один черствый хлеб тот посылает ему, в церковь не ходит и по праздникам церковным работает как ни в чем ни бывало. Нет, не избежать ему геенны...

Лампе никогда не сомневался, что его-то хранит Бог и ему уготовано Царствие Небесное, а вот Канту следовало бы о своей душе хорошо подумать. Он жалел Канта, а у последнего не было ни малейших оснований жалеть своего слугу. Философ вообще считал, что к чувству жалости надо подходить весьма осмотрительно, ибо оно может унижать человеческое достоинство. Кант обращался к этой стороне взаимоотношения людей неоднократно. Например, в «Метафизических основаниях учения о добродетели» он писал: «Так, мы признаем, что наш долг благодетельствовать бедным; но поскольку такого рода благосклонность содержит в себе также зависимость блага этого бедняка от моего великодушия, которое все же унижает его, то наш долг избавить его, получающего [благоедеяние], от унижения при помощи такого поведения, которое представило бы наше благодеяние либо просто как исполнение обязанности, либо как незначительную любезность, и таким образом сохранить его уважение к самому себе» [5, с. 388–389].

Особую проблематичность приобретает благодетельствование, когда речь заходит о таком из чувства жалости к человеку верующему и начинающему осознавать, что под ним разверзается пропасть неверия, если правы те, кто утверждает, что Бога нет; и чтобы человека успокоить – начать утверждать

обратное. Ведь такое благодеяние свершается по циничному правилу Вольтера: Бога нет, но его надо выдумать. Чтобы с помощью обмана и утешать, и манипулировать поведением доверчивых простодушных людей. Позволить себе такое поведение и обмануть Лампе Кант не мог ни в коем случае. Долг правдивости он ставил необычайно высоко, заявляя, что «ложь есть унижение человеческого достоинства в себе» [5, с. 367]. К тому же, стремясь ложью сохранить спокойствие своего слуги, Кант содействовал бы обману многих, «нарушая права других» [5, с. 366]. «Человек, который сам не верит тому, что он говорит другому (хотя бы даже идеальному лицу), имеет еще меньшую ценность, чем если бы он был просто вещью... — и далее Кант свою мысль поясняет — ...передача своих мыслей другому в словах, которые (умышленно) содержат как раз противоположное тому, что при этом думает говорящий, есть цель, прямо противоположная естественной целесообразности его способности сообщать свои мысли, стало быть отказ от своей личности и лишь обманчивая видимость человека, а не сам человек» [5, с. 367].

Потому-то Канту, хорошо знающему своего слугу, и в голову не могло прийти из жалости к Лампе и в угоду его спокойствию, бестрепетно опровергнув все возможные доказательства бытия Божия, якобы изобрести новое — моральное — доказательство его бытия. В таком, примерно, духе интерпретируется *видимое* противоречие, которого на деле, конечно, нет, между двумя знаменитыми «Критиками...» Канта: «Критикой чистого разума» и «Критикой практического разума». Речь идет о том, что в главе под названием «Идеал чистого разума» из «Критики чистого разума» Кант безупречно и строго логически (что осуществлено и средствами современной логики) показал невозможность вообще как-либо с помощью рациональных доводов доказать существование Бога, но в «Критике практического разума», увидевшей свет через семь лет после первого издания «Критики чистого разума», ввел в качестве необходимых *постулаты практического разума* о бессмертии души и бытии Бога вместе с постулатом о свободе воли.

Именно к этому обстоятельству (видимому, а не действительному противоречию) отсылается читатель в двух последних строфах кушнеровского стихотворения:

То есть его, говоря осмотрительно, нет
В онтологическом, самом существенном смысле.
Бог — совершенство, но где совершенство? Предмет
Спора подмочен, и капли на листьях повисли.

Это своего рода резюме «Критики чистого разума».

Старому Лампе об этом не скажешь, бедняк
В Боге нуждается, чистя то плащ, то накидку.

Это объясняет потребность в постулатах «Критики практического разума».

И финал:

Бог — это то, что, наверное, выйдя во мрак
Наших дверей, возвращается утром в калитку.

Вводное слово *наверное* в первой строке финала, если его толковать не как предположение, а как непреложность, уверенность, непремennую обязательность *ухода Бога во мрак* в соответствии с опровергнутым онтологическим доказательством, означает и необходимость *утреннего* возврата с постулатами практического разума, поскольку никакие *теоретические* доказательства его не касаются. Но слово *наверное* может иметь и современный смысл предположения, неуверенности. — Тогда финал предоставляет нам право толковать точку зрения Канта на свой собственный вкус: уходит Бог в мрак дверей первой «Критики...» или нет? Возвращается он в калитку второй «Критики...» или нет? — *Сшт сице!* Каждому свое! Скептицизм предоставляет желанный выбор.

4. А. С. Кушнер и Г. Гейне

Чтобы обвинить Канта в противоречивом отношении к Богу, якобы обязанном верующему Лампе, надо иметь живое воображение и острую впечатлительность при встрече с трудностями текста, то есть надо быть поэтом. Философ в подобной ситуации обязан прежде всего задаться вопросом: а нельзя ли прочесть находящийся перед глазами текст без противоречия? Может быть, оно лишь кажущееся, может быть, есть где-то в тексте (или иных текстах того же автора) ключ к сложной теоретической проблеме, которой он озадачен? Предположение о вине Мартина Лампе, послужившего настоятельным поводом к перемене философской позиции его хозяина, на самом деле впервые было сделано поэтом... Генрихом Гейне! Высказано это было чрезвычайно талантливо. Генрих Гейне объясняет сложности системы трансцендентального идеализма столь естественно и просто и одновременно лукаво, что изобретенный им способ понимания рассматриваемой выглядящей противоречием теоретической ситуации укоренился с силою предрассудка. В интеллектуальной культуре XIX века возник миф, персонафицированный характер которого постепенно растворяется в прошлом. Сейчас очень не часто

обращаются к чтению в свое время популярных в Европе очерков немецкого поэта «К истории религии и философии в Германии», в которых он разъяснял французской публике глубины немецкой метафизики. Простое и яркое истолкование системы Канта, упрямой в эзотерические тексты «Критик...», привело к тому, что оно стало чуть ли не всеобщепринятым и самым популярным.

Начав излагать идеи Канта, Г. Гейне писал: «Говорят, ночные духи пугаются, увидев меч палача. Как же должны они пугаться, когда им показывают “Критику чистого разума” Канта! Эта книга есть меч, отрубивший в Германии голову деизму» [1, с. 95]. Деизм же есть последний оплот религии, воздвигнутый перед наступающей наукой, оплот, оставивший за Богом только акт творения мира, но после этого полностью избавивший его от Божьего присутствия и отправивший Творца на вечный отдых за его пределы. «Быть может, — продолжает ироничный поэт свое разъяснение, — понадобится еще несколько столетий, прежде чем эта траурная весть станет общим достоянием, — что до нас, то мы давно уже облачились в траур. De profundis» [1, с. 105]. И он, конечно, прав: столь кардинальные повороты в мировоззрении масс людских свершаются медленно. Язычество существовало несколько десятков тысячелетий, христианство — пока всего еще два, переходное к научно-философскому мировоззрению время длится всего два столетия, а этого срока явно недостаточно. Ведь надо добиться такого уровня образованности, чтобы всякий рядовой человек с удовольствием, рождаемым пониманием, читал «Критику чистого разума» Канта.

А дальше я позволю себе процитировать гейневский сакраментальный пассаж полностью: «Вы думаете, все кончено, можно расходиться по домам? — риторически спрашивает он читателей и продолжает: Не тут-то было! Будет представлена еще одна пьеса. За трагедией следует фарс. До сих пор Иммануил Кант изображал неумолимого философа, он штурмовал небо, он перебил весь гарнизон, сам верховный владыка небес, не будучи доказан, плавает в своей крови; нет больше ни всеобъемлющего милосердия, ни отеческой любви, ни потустороннего воздаяния за посюстороннюю воздержанность, бессмертие души лежит при последнем издыхании — тут стоны, там хрипение, — и старый Лампе в качестве удрученного зрителя стоит рядом, с зонтом под мышкой, и холодный пот и слезы струятся по его лицу. Тогда Иммануил Кант разжалобился и показал, что он не только великий философ, но и добрый человек; и он задумывается и полудобродушно-полуиронически говорит: “Старому Лампе нужен Бог, иначе бедняк не будет счастлив, а человек должен быть счастлив на земле — так говорит практический разум, — так уж и быть — ну, пусть практический разум дает поруку в бытии Божьем”. Под влиянием этого довода Кант различает теоретический разум и разум практический, и посредством последнего, словно волшебной палочкой он вновь воскресил мертвое тело деизма, убитого теоретическим разумом» [1, с. 105–106].

Психологически напряженная бытовая коллизия, будто бы оказавшаяся, благодаря остроумной выдумке Г. Гейне, причиной основного диссонанса всей философской системы Канта, представляет собою основной конфликт и его разрешение и в анализируемом стихотворении А.С. Кушнера.

5. Иммануил Кант об особенностях и таинствах понятия Бог

Однако диссонанс этот — сама суть замысла Канта в построении стройной системы: на деле он играет в ней роль *контрапункта*. Именно здесь строгая глубина и вместе с тем простота Кантовой мысли достигает максимального напряжения, разрешаясь финалом мощным и прекрасным — идеей *Человекобожия*. Бог — не только пустое противоречивое понятие теологически-схоластических догматических споров, но и рефлексивное понятие человечества о самом себе и своих творческих потенциях, проецируемых в бесконечность своей будущей истории. Взятые в таком смысле, эти творческие потенции предстают в нашем сознании в качестве сколь угодно близких к абсолютным атрибутам понятий-идеализаций, таких, как всевершенство, всемогущество, всеведение, всеблагодать, вечность, вездесущие, абсолютная свобода, обычно приписываемых не себе самим, а Богу... Бог, видимо, представлялся Канту прекрасной грезой — *Человеком* далекого будущего, играющим галактиками, зажигающим или снимающим с небосвода звезды, сворачивающим, как самые податливые и тончайшие ткани, пространства и запускаящим новые временные причинные ряды в безбрежность мироздания как эффект домино, *Человеком* неизменно при этом считающимся с иными Разумными Существами, бытующими в просторах Космоса, и руководствующимся по отношению к ним универсальным законом всех Разумных Существ — *категорическим императивом морали*, который дается ими самим себе, поскольку составляет их сущность.

Философски чуткому уху русских религиозных мыслителей, которых даже идея Богочеловечества, развитая Вл.С. Соловьевым, напугала как ересь, эти идеи Канта казались таким кощунством, что они объявляли кёнигсбергского любителя *звездного неба* и творца *морального закона* дьяволом во плоти, каким изобразил его Г. Гейне, а вовсе не добропорядочным немецким бюргером, испугавшимся своих мыслей и возопившим, подобно Фоме неверному: верую, Господи, помоги моему неверию.

Прусский Сократ, или «всесокрушающий» Кант, не был робкого десятка, свои идеи он развивал и отстаивал с удивляющей последовательностью. Человечество формулирует чрезвычайно важное для

собственного бытия понятие *Бога*, считает он, пытаясь осмыслить свое положение в мире. Понятие это символическое, потому что производится нашим разумом; Кант называл такие понятия *ноуменами*. Предметы их сконструированы нашим умом, они не могут быть даны нашим чувствам. Соответствующий этому понятию-идее нашего разума реальный предмет нельзя указать в теоретическом отношении — в качестве некой запредельной, трансцендентной, реальности понятие *Бога* пусто, такой предмет может существовать только в мыслях; в практическом же отношении — в качестве предмета философии истории как абсолютно совершенного и нравственного человечества это понятие не пустое, но тоже только мыслимое, так как формирование такого человечества уходит в бесконечное будущее и не может быть ни для одного историка-исследователя конкретной реальной исторической данностью, реально — это бесконечный процесс совершенствования человеческого и очеловеченного мира.

С точки зрения теории познания понятие *Бога* — это понятие-идея, понятие-идеал. Откуда же оно берется, как возникает в сознании людей? Гносеологический процесс формирования такого понятия-идеализации прослежен Кантом весьма тщательно. Вот как великий философ описывает этот сложнейший гносеологический процесс формирования «идеала всереальнойнейшей сущности».

Первая процедура — это процедура *реизации*, то есть процедура мысленного превращения в некую вещь (лат. *res* — «вещь»), в предмет мира как такового, *всего сущего*. Все существующее — некое бесконечное дистрибутивное множество вещей, свойств и отношений — становится *всереальнойнейшей сущностью*, неким целым предметом, хотя в действительности все существующее никак не может быть дано, а потому не может стать, не является единой вещью. Кант недаром называет миром вещей в себе все то, что выходит за пределы опыта, действительного и возможного.

Вторая процедура — это процедура *гипостазирования*, то есть мысленного надления полученной идеальной — мысленной — вещи самостоятельным существованием, превращение ее в самостоятельный объект, в субстанцию, то есть в то, что существует само по себе. Вещь теперь *существует* как бы не в качестве совокупности вещей материального мира, а независимо от них, хотя на стадии реизации без них обойтись было никак нельзя.

Третья же процедура — это процедура *персонификации*. Всереальнойнейшая сущность превращается в нашем сознании в мыслящее существо, наделяется свойствами личности. Для полноты картины надо было бы предпослать этой третьей процедуре процедуру *антропоморфизации* данной сущности, придания ей человеческого облика, а уж затем этого человека наделять качествами личности, персонифицировать его. Тогда персонификация стала бы четвертой, заключительной, стадией рождения *Бога*. То, что в христианстве Бог предстает в трех лицах, сути дела не меняет. Кант, конечно, понимает, что без антропоморфизации о *Бог*е просто ничего нельзя сказать; но есть религии, запрещающие видеть *Бога* в человеческом облике, хотя, в противоречие с этим, и приписывают ему свойства человеческого сознания и деятельности.

Мораль, согласно Канту, является основой социальности и представляет собою сущность природы человека; наличие моральных поступков, высокоморальное поведение некоторых людей служит причиной формирования понятия *Бога*, а не *Бог* наделяет людей моралью и карает за нарушение ее норм. Наличие морали у людей ведет к появлению религии и религиозных верований, а не наоборот, как это настойчиво утверждает представителями всех религий. Сущность всех религий, чем дальше, тем больше, сводится к морали, а поскольку мораль представляет собою систему общечеловеческих заповедей и норм, все полнее осознающих себя человечеством, то процесс этот сближает религии, служит базой экуменических идей и экуменического движения не только христианских церквей, но и всех мировых религий. Кант полагал, что рано или поздно утвердится в мире одна религия — религия разума, «религия в пределах только разума», исключившая из себя мистику любого вида, всякую мистику. Существующие исторические религии вынужденно перерождаются.

6. Процесс созревания теологической идеи чистого разума

Сколь рано в своем философском становлении приходит Кант, этот странный студент Альбертины, даже и не помышляющий с пропедевтического-философского-факультета ступить под сень какого-либо из высших факультетов, к убеждению, что *Бог* традиционной теологии — это пустое понятие? Установить такую дату, по-моему, весьма трудно. Во всяком случае, та достаточно распространенная точка зрения, что в его докритическом творчестве Кант является деистом, доказательными аргументами не подтверждается. Деизм докритического Канта, конечно, важен для тех его интерпретаторов, кто хочет во что бы то ни стало видеть в нем человека верующего, и если для теоретического разума существование *Бога* абсолютно исключается, то можно опереться на сложности в интерпретации постулатов практического разума, что и продемонстрировал Генрих Гейне. Деизм допускает, что *Бог* есть творец мира, но, сотворив его, он предоставляет миру существовать по собственным законам самого мира, полностью устранившись от какого-либо вмешательства в его дела. Но именно функцию творения философ и отбирает у *Бога*. Ведь уже во «Всеобщей естественной истории и теории неба» — а

это 1755 год — Кант убедительно опровергает истовый деизм Ньютона, демонстрируя в своем труде, что не только функционирование, но и само возникновение организованной системы мира не нуждается в идее Творца: мир бесконечно претерпевает собственные, имманентные эволюции... Любопытен в данном отношении трактат «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме» (1759), иронически двусмысленный и призванный привлечь внимание студентов к курсам лекций, которые Кант в качестве приват-доцента собирался прочесть в зимнем семестре 1759/60 учеб. г. Из рассуждений Канта в этом «Опыте...» следует вывод о *единстве мира*³, состоящего из бесконечного множества *взаимодействующих* более или менее ограничивающих друг друга миров, но, что самое важное, обладающих одной и той же мерой реальности, поскольку нельзя существовать больше или меньше, а можно просто существовать. В финале этих своих рассуждений он провозглашает: «Я взываю ко всякому творению, не лишенному достоинства, воскликнуть: слава нам, мы существуем и доставляем радость Творцу» [3, с. 48]. Последние слова — не без лукавства, и это живое присутствие человеческой души автора в тексте привлекало студентов сначала к приват-доценту, а затем к профессору, никогда не испытывавшему недостатка в их внимании. Это кантовское *слава нам!* — многозначно и многозначительно. В нем явно усматривается то обстоятельство, что всяких «творений, не лишенных достоинства», множество в мироздании, что человечество во вселенной вовсе не одиноко. Еще во «Всеобщей естественной истории и теории неба» — в «Части третьей, содержащей в себе основанный на закономерностях природы опыт сравнения обитателей различных планет» — он писал: «Я полагаю, вовсе нет необходимости утверждать, будто все планеты должны быть обитаемы, хотя в то же время нелепо отрицать это в отношении всех или хотя бы только в отношении большинства из них» [2, с. 245]. Творец, которому мы *доставляем радость*, — бесконечно сложная и сама по себе сущая природа — един и единственен для всех разумных существ: в различных областях великого физического мира складываются, более или менее случайные и более или менее сходные, обстоятельства для возникновения разумной жизни: «Чем больше мы познаем природу, тем больше мы убеждаемся, что общие свойства вещей не чужды друг другу и не обособлены» [2, с. 257].

Ведь множественность актов творения разумных цивилизаций за пределами Земли нельзя приписать христианскому Богу, к тому же творящему *по своему образу и подобию*, потому что творение Бога не может быть *пробой* его сил, так как акт творения исходит не от ограниченного в своих возможностях Существа, а от Существа всеведущего, всемогущего и всеблагого, могущего разрешиться только абсолютно *лучшим из всех возможных миров*. Лейбниц это прекрасно понимал, создавая свою «Теодицею». Пробное творение может объясняться только относительными условиями творчества. Поэтому Кант и предполагает, что вплетенный в общий строй многосложного мира дух совершенной там, где совершеннее материя, а она может находиться в различных физических состояниях: от газообразного до кристаллического, от диффузного до интегрально-целостного.

По-моему, чрезвычайно важным фактом, почему-то выпадающим из поля внимания специалистов-кантоведов, является Кантова безупречная в логическом отношении критика онтологического доказательства бытия Божия, осуществленная великим философом еще в работе 1763 года «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» [4, с. 500–501] и лишь повторенная им в «Критике чистого разума», а это свидетельствует, что идеи великой «Критики...» складывались задолго до «*молчаливого*» десятилетия 70-х годов XVIII века, когда непосредственно шла работа по написанию ее текста. Как видно из названия, трактат 1763 года посвящен не *единственно возможному доказательству бытия* Бога, а *единственно возможному основанию* такого доказательства. И что же это за основание? А таким основанием, считает Кант, является бытие мира! Не бытие мира следует из существования Бога, а существование Бога следует из бытия мира! Это мир творит богов и божеств самых разнообразных религий, в том числе и монотеистических.

Такой тезис обстоятельно развит в трактате «Религия в пределах только разума» (1793), вызвавшем недовольство и противодействие королевской церковной цензуры и осложнившим отношения с королем Фридрихом Вильгельмом II. Трактат этот известен менее, чем три знаменитые «Критики...», но значимость его Кант считает равной им. Из трех основополагающих вопросов философии, сформулированных философом в «Каноне чистого разума»:

1. *Что я могу знать?*
2. *Что я должен делать?*
3. *На что я смею надеяться?* [A 805 / B 833] —

ответ на третий дает именно «Религия в пределах только разума» и дает его в том смысле, что надеяться в мире можно только на самих себя, уповая на свой разум как на единственную опору нашего в этом мире существования. Нет и не может быть никаких других благодетелей во всей вселенной. Только наш

³ «Системное устройство мироздания» (курсив Канта!) — этот термин философ вводит еще во «Всеобщей естественной истории и теории неба» и заявляет, что вынужден будет им пользоваться [2, с. 140]. Он употреблял его на протяжении всей жизни, вплоть до «Opus'a postumum», до последнего своего труда, за которым застала его смерть.

разум — наше спасение, только он может найти выход из безвыходных ситуаций, складывающихся в окружающем нас мире.

И тут самое время вернуться к стихотворению А. С. Кушнера:

Бог — совершенство, но где совершенство? Предмет
Спора подмочен...

Онтологическое доказательство опирается на понятие «совершенство», но дело не в том, где это совершенство искать, а в том, что мы вкладываем в это понятие. Тридцатидевятилетний Кант (1763) пишет об этом так: «Прежде всего выдумывают себе понятие о некоторой возможной вещи, как будто в ней соединено все истинное совершенство. Далее принимают, что существование также есть некоторое совершенство вещей, и тогда от возможности самого совершенного существа заключают к его существованию» [4, с. 500]. Ясно отсюда, что главное в совершенстве — это то, что в него включено существование, совершенство — *в существовании*, несуществующее несовершенно. Основанием доказательства является *существование*: сначала надо существовать, а уж затем можешь претендовать на совершенство. Совершенным надо стать, надо достичь совершенства; само по себе оно не дается никому! Совершенство «может возрастать и иметь много различных форм (умение в искусствах и науках, вкус, физическая ловкость и т.д.). Но оно всегда только обусловлено...» [8].

В конце концов, совершенство — в совершенном творчестве, идеал же такого творчества, над осуществлением которого работает весь род человеческий с момента своего появления на Земле и продолжает работать в бесконечности истории, это *Царство Целей*, такое состояние мира, в котором человечество способно не только ставить любые цели в их свободе, но и столь же свободно их достигать. Это и есть состояние Человекобожия.

7. Так человечество или Бог?

Поэту, который в России, как известно, *больше чем поэт*, от этого вопроса не уйти: в стране идет процесс десекуляризации, православная церковь стремительно восстанавливает свои позиции, утраченные за годы советской власти. Трудно подчас понять, отделена ли церковь от государства или, как и в царской России, составляет один из его департаментов? Снова общество стоит перед вопросом: или на Бога надеяться, на то, что сумеет он безморальное общество благой своей силой и волей сделать моральным, или самим не плошать и делать акцент на этическое воспитание народа всеми доступными средствами? Пока основы православной культуры (а также и мусульманской, и буддистской...) заменяют в школах этику как науку строгую и светскую, ясно, какая из альтернатив избрана, в какую сторону повернут политический руль. Сознание поэта — своеобразный сверхчуткий сейсмограф, оно улавливает все сколь-либо значимые духовные движения общества, а часто упреждает их, обладая каким-то удивительным чувствилищем грядущих социальных проявлений общественного духа.

Где Вы, грядущие гунны... —

взывал В. Я. Брюсов — и гунны не замедлили явиться.

Проклятье мигам
Моих пророческих стихов! —

осознавал свой дар А. А. Блок, провидя и великую революцию, и великие войны России в XX веке...

Обладает ли подобным чувствилищем А. С. Кушнер? По-моему, обладает, творя масштабные по мысли стихи, хотя скромно настаивает на своем импрессионистском даре, задаваясь вопросом:

Какую премию мне Аполлон
Присудит, вымышленный бог поэтов!? [10, с. 615]

и отвечая, что если такая премия им и заслужена, то только

За то, что в век идей, гулявших по земле,
Как хищники во мраке,
Я скатерть белую прославил на столе
С узором призрачным, как водяные знаки [10, с. 615].

Последняя строчка в строфе, как правило, самая значимая, ее поэт ставит в эту выгодную — сильную — позицию. Белая скатерть, да еще в саду, в солнечный день, подобно сверхчуткому экрану, ловит нежнейшие оттенки цветовых рефлексов, по скользнувшей голубовато-розовой тени можно догадаться — мелькнула ласточка... Но она еще и заряженный энергией символ счастья, тишины и покоя, символ лада — в душе, в семье, в мире.

А лада этого и раньше было мало, а становится все меньше и меньше — мир разлаживается. По сути дела, поэта именно это и тревожит, печалит хрупкость красоты в безморальном мире, отсутствие каких-либо гарантий для лада даже в грядущем его состоянии. Таково одно из недавних стихотворений А. С. Кушнера:

Все должно было кончиться в первом веке,
И начаться должно было все другое,
Но не кончилось. Так же бежали реки,
Также слезы струились из глаз рекою.

Страшный Суд почему-то отодвигался,
Корабли точно так же по морю плыли,
С переменою ветра меняя галсы,
В белой пене горячей, как лошади в мыле.

Человек любит ближнего, зла не хочет,
Во спасение верит и ждет Мессии
Месяц, год, а потом устает, бормочет,
Уступает тоске, как у нас в России.

Или Бог, привыкая к земной печали,
Увлекается так красотой земною,
Что, поставив ее впереди морали,
Вслед за нами тропинкой бредет лесною? [11, с. 5]

Стихотворение рубежа об этом рубеже: христианству уже 2000 лет, а православию в России — 1020, поскольку опубликовано оно в 2008 году. Эсхатологические настроения в обществе усиливаются в такие годы, поддаваясь магии чисел; апокалиптические ожидания обостряются. И возникает вопрос: это происходит у народа счастливого, благополучного? Возможна ли в Европе та недавняя совершенно дикая история ожидания конца света в глубокой землянке несколькими десятками людей, как это сделали, замуравив себя, наши соотечественники в самом центре России? По симптому можно ставить диагноз.

Стихотворение это не имеет названия, но оно явно призвано вызвать в сознании другое творение — “*Ex oriente lux*” Владимира Соловьева. Античные языческие боги не смогли сделать человечество единым. Война и разбой продолжались, все разрастаясь.

Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?
— Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!

В этот трагический момент и явился в мир Бог — Слово:

И слово вещее — не ложно,
И свет с востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он *возвестил и обещал* (курсив наш. — Л. К.) [14, с. 35].

Тут-то — с этого обещания — и начинается стихотворение А.С. Кушнера. Не исполняет Христос своего обещания, все остается по-старому. И отчаивается сердце людское ждать справедливости, пусть маломальской; и даже рождается решимость подтолкнуть Бога на поступок, проявить хоть как-то свою божественную волю, а там — хоть пан или пропал. Однако все в мире пущено на самотек, все предоставлено разуму и воле людей; все зависит от того, когда разум станет моральным, а мораль разумной. Бог же *бредет за нами*, бредет через те же колдобины, спускается, скользя и падая, в те же овраги и взбирается, выбиваясь из сил, на те же круги.

А что касается красоты, то «прекрасное есть символ нравственно доброго», как и «все наше познание о Боге только символическое» [6, с. 375] и другим быть не может. Символ же без того, что он символизирует, пуст и бессилён.

Тому событию, с которого и началась наша эра «и начаться должно было все другое», то есть Рождеству Христову, Александр Семенович Кушнер посвятил стихотворение еще в 1993 году, о котором в преамбуле к данной главе я уже упоминал. Так должны были бы быть изменены принципы строения мира, чтобы человек получил возможность летать, словно ласточка, презрев законы тяготения; реки направлялись бы в указанный им момент в обезвоженные пустыни и возвращались в свое русло, напоив жаждущих; ветер, а не корабли, менял бы галсы по желанию кормчих... Ничего этого не случилось, а главное, слезы и кровь текли и текут все обильнее. Однако можно ли назвать Рождество событием пустым, ничего не значащим?

Если предыдущее стихотворение было беседою с Владимиром Соловьевым, то это, заключительное, можно рассматривать как второй голос к мелодии, выведенной Борисом Пастернаком в его стихотворении «Рождественская звезда» (1947) [13, с. 75–77], который на полтона ниже основного и с вопросительной интонацией:

Разве можно после Пастернака

Написать о елке новогодней?
 Можно, можно! Звезды мне из мрака
 Говорят — вот именно сегодня.
 Он писал при Ироде: верблюды
 Из картона — клей и позолота —
 В тех стихах евангельское чудо
 Превращали в комнатное что-то.
 И волхвы, возможные напасти
 Обманув, на валенки сапожки
 Обменяв, как бы советской власти
 Противостояли на порожке.
 А сегодня елка — это елка,
 И ее нам, маленькую, жалко.
 Веточка, колючая, как челка,
 Лезет в глаз — шалунья ты, нахалка!
 Нет ли Бога, есть ли Он — узнаем,
 Умерев у Гоголя, у Канта,
 У любого встречного — за краем.
 Нас устроят оба варианта [10, с. 590].

Церковный праздник Рождества при советской власти официально не отмечался, и Кушнер указывает на граничащий с безрассудством вызов Пастернака, написавшего свое замечательное рождественское стихотворение «при Ироде», то есть при И. В. Сталине (я не случайно указал 1947 год). Только Сталин — это Ирод наоборот, Ирод навыворот, так как легендарный царь убивал новорожденных младенцев, а наоборотный Ирод уничтожал людей взрослых, достигающих «совершеннолетия» — согласно Канту *совершеннолетними* [7, с. 25–36] являются только те, кто осмеливается пользоваться собственным умом, кто думает самостоятельно, а не так, как хотят, чтобы они думали, партия или государство. Именно такие люди систематически и истреблялись. Борис Пастернак рисковал сам.

Заключительная строфа иронична и многозначна. Даже и умерев, узнать, есть ли Бог, проблематично. Если удастся задать вопрос Н. В. Гоголю, оказавшись на том свете, ответ получишь утвердительный; если же спросишь Канта, на что А. С. Кушнер явно рассчитывает, получишь ответ отрицательный. Однако на деле философ однозначного ответа не даст. Он скажет, что в теоретическом отношении — Бога нет, а в практическом — Он есть: ответ зависит от смысла, который *мы* вкладываем в это таинственное слово. Однако спрашивать там нет никакого смысла — надо просто набраться терпения: каждый узнает сам!

Однако означает ли все это, что нет смысла отмечать Рождество? Как не вспомнить бессмертного Вольтера, сказавшего некогда, что если Бога и нет, его *следует выдумать*: самих себя выдумывать все совершенными.

Список литературы

1. Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 6.
2. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 1. С. 245.
3. Кант И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме (1759) // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 245.
4. Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 1. С. 500.
5. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797 // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4 (2). С. 388–389.
6. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 375.
7. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 25–36.
8. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактат и письма. М., 1980.
9. Кант И. Спор факультетов. Калининград, 2002. С. 256.
10. Кушнер А. С. Аполлон в траве: эссе, стихи. М., 2005. С. 625.
11. Кушнер А. С. Все должно было кончиться... // Новый мир. 2008. №1. С. 5.
12. Кушнер А. С. Таврический сад. Л., 1984. С. 73.
13. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы в 2 т. Л., 1990. Т. 2. С. 75–77.
14. Соловьев В. С. Ex oriente lux // Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 35.
15. Соловьев В. С. Кант. // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 478.

Об авторе

Калинников Леонард Александрович — д-р филос. наук, проф. кафедры философии исторического факультета РГУ им. И. Канта, kant@kantiana.ru

About the Author

Prof. Leonard Kalinnikov, Department of Philosophy, Faculty of History, the Immanuel Kant State University of Russia,
kant@kantiana.ru